

Гарипова Гульназ Фоатовна

**МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭМЫ КУТБА
«ХОСРОВ И ШИРИН» (XIV в.)**

10.02.02 - Языки народов Российской Федерации (татарский язык)

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Работа выполнена на кафедре татарского языка Казанского государственного университета.

Научный руководитель - доктор филологических наук,
профессор **Ф.М.Хисамова**

Официальные оппоненты - доктор филологических наук,
профессор **Г.Г.Зайнуллин**;
кандидат филологических наук,
доцент **М.М.Нигматуллин**

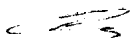
Ведущая организация - Институт языка, литературы и искусства
им. Г.Ибрагимова Академии Наук
Республики Татарстан

Защита состоится 26 июня 2003 года в 11 часов на заседании диссертационного Совета Д 212.081.12 в Казанском государственном университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, корп. 2, ауд.1112.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. **Н.И.Лобачевского** Казанского государственного университета.

Автореферат разослан «**27**» **мая** 2003 года

Ученый секретарь
диссертационного Совета,
доктор филологических наук

Загидуллина Д.Ф.

Общая характеристика работы

Тюркологическая наука достигла значительных успехов в лингвистическом изучении **тюркоязычных** письменных памятников, что имеет большое значение как для прослеживания эволюции культурно-исторического процесса отдельных народов, так и для воссоздания истории тюркских языков. В настоящее время имеется довольно большой арсенал научных работ, посвященных исследованию истории тюркских языков вообще, и татарского языка в частности. Так, в трудах видных тюркологов (**В.В.Радлова, С.Е.Малова, Н.К.Дмитриева, В.М.Насилова, А.Н.Кононова, А.К.Боровкова, Н.А.Баскакова, А.Н.Самойловича, Э.Р.Тенишева, Э.В.Севортяна, А.М.Щербака, Э.Н.Наджиба, К.Броккельмана, Г.Рамстедта** и др.) освещены многие вопросы исторической грамматики тюркских языков. В области исследований по истории татарского языка важно отметить вклад таких татарских ученых, как **Л.Залая, Д.Г.Тумашева, М.З.Закиев, Ф.М.Хисамова, В.Х.Хаков, Х.Р.Курбатов, Ф.С.Фасеев, Ф.С.Хакимзянов, Ф.Ю.Юсупов, М.Г.Усманов, И.Б.Баширова, А.Х.Зайнуллина, М.М.Нигматуллова**. **Татароведами** изучены те или иные грамматические категории татарского языка по письменным памятникам, а также грамматические особенности отдельных памятников. Таковы, например, труды **Я.С.Ахметгалеевой** (1979), **З.А.Хисамеевой** (1980), **А.Х.Маннаповой** (1982), **А.Х.Алеевой** (1990), **Р.З.Мухамметрахимовой** (1990), **Г.Б.Шамаровой** (1991), **Ф.Ш.Нуриевой** (1993), **Х.Х.Кузьминой** (1998), **Э.А.Исламовой** (1998), **Э.Х.Кадировой** (1999), **А.Р.Халиуллиной** (2002) и др.

Актуальность темы объясняется недостаточной изученностью письменных памятников истории татарского литературного языка более раннего периода (**XIII-XIV** вв.). Данный период истории тюркских литературных языков отмечен, с одной стороны, началом **кыпчакизации** языка памятников; с другой, татарский литературный язык более позднего периода (**XV-XVII** вв.) по своим традициям непосредственно восходит к литературному языку **золотоордынского** периода, т.е. к письменному литературному языку

XIII-XIV вв., а поэма **Кутба «Хосров и Ширин»**¹ имеет непосредственное отношение к истории татарского языка.

Целью данной **диссертационной** работы является системно-**функциональный** анализ морфологии произведения Кутба **«ХШ»**, определение его места и роли в истории татарского литературного языка. Данная цель достигалась решением **следующих задач**:

-прослеживание по филологическим трудам языковой ситуации в XIV столетии на территории Золотой Орды (в частности в Поволжье);

-освещение истории изучения памятника;

-системно-структурный и функциональный анализ частей речи и их грамматических категорий;

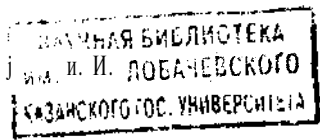
-установление состава формообразующих аффиксов с объяснением особенностей их функционирования, а также анализ соотношения традиционно-архаичных форм и новаций в языке памятника;

-вычленение элементов языка, относящихся к различным языковым группам (кыпчакской, огузской, **уйгуро-карлукской**); определение частотности их употребления;

-сравнение данных исследования с языковыми явлениями, характерными для памятников тюркской письменности разных периодов, в особенности с фактами памятников татарского языка и его диалектов.

Научная новизна Диссертация содержит первое в татарском языкознании детальное и системное описание морфологического состава поэмы "ХШ" Кутба с интерпретацией функциональных особенностей всех разновидностей словоформ. Подробное исследование морфологических особенностей поэмы, помимо определения характера языка исследуемого памятника, позволило прийти к определенным обстоятельным выводам об особенностях эволюции письменного литературного языка периода Золотой Орды (XIV в.). Результаты исследования показали, что язык «ХШ» содержит в

¹ Далее «ХШ»

себе **кыпчакско-огузскую** основу и является одним из вариантов старотатарского литературного языка.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что системный анализ морфологических особенностей одного из ценных памятников средневековья значительно расширяет представление о грамматическом строе литературного языка периода Золотой Орды, который сыграл огромную роль в становлении татарского письменного литературного языка.

Практическая ценность Практическая ценность диссертационной работы состоит в том, что она, будучи одним из составных частей по исследованию истории тюркских литературных языков, в частности татарского, может быть использована при составлении исторической грамматики татарского литературного языка. Полученные при анализе языка памятника общие выводы и фактический материал могут быть использованы на лекционных курсах и практических занятиях по истории татарского литературного языка.

Методологической основой исследования послужили научно-теоретические труды отечественных и зарубежных ученых, таких как А.Зайончковский, **С.Е.Малов**, Н.А.Баскаков, А.Н.Самойлович, А.Н.Кононов, **Э.Н.Наджип**, Э.Р.Тенишев, **В.М.Насилов**, **Э.И.Фазылов**, А.М.Щербак, В.Г.Гузев, Г.Ф.Благова, Э.А.Грунина, а также татарских языковедов **Л.Залая**, **Д.Г.Тумашевой**, **Ф.М.Хисамовой**, В.Х.Хакова, Ф.С.Хакимзянова, А.Х.Зайнуллиной и др.

Характер работы потребовал применения различных методов исследования. Исследование в основном производилось описательным методом. При определении хронологии, последовательности языковых явлений был использован сравнительно-исторический метод. При анализе глагольных форм применен статистический метод. Использование всего этого комплекса методов позволило провести довольно подробное изучение языка “**ХШ**” **Кутба** в грамматическом аспекте.

Источники исследования. Единственный дошедший до нас список этого произведения хранится в Национальной библиотеке в Париже, в Ancien Fond Turk под № 312. Сохранившаяся копия снята в 1383 г. в Египте, в Александрии, при последних **кыпчакских** правителях **поэтом-кыпчаком** Берке Факихом. В диссертационной работе за основу взяты факсимиле рукописи и транскрипция текста на латинской графике, опубликованные польским ученым **А.Зайончковским**¹. Все примеры документированы и даны в оригинальной графике на основе арабского алфавита с латинской транскрипцией и переводом.

Апробация работы. По материалам исследования были сделаны выступления на годовых итоговых научных конференциях **ЕГПИ (1999, 2000), КГУ (2000-2003)**, на региональной научно-практической конференции им. Лобачевского (1-2 марта 2002 года). Отдельные положения диссертации нашли отражение в 5 публикациях.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы. В приложении даны указатель формообразующих аффиксов, зафиксированных в «**ХШ**» **Кутба**, и фрагменты факсимиле рукописи.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается выбор темы, аргументируется ее актуальность; определяются цель и задачи, методы исследования, обосновывается научная новизна. Отражается языковая ситуация, бытовавшая в Поволжье в эпоху Золотой Орды, излагается история изучения памятника.

«**ХШ**» **Кутба** считается вольным переводом одноименного поэтического романа азербайджанского поэта Низами, написанного на персидском языке. Рукопись состоит из 280 страниц по 42 стихотворные строки на странице и разбита на 90 глав. Эта рукопись была переписана и составлена в 1383 году в мамлюкском Египте, в Александрии, Берке Факихом. Переписчик - выходец из Поволжья, **кыпчак**. В конце рукописи имеется 51 бейт автобиографического

¹ Zajaczkowski A. Najstarsza wersja turecka Husrâv u Sirin Qutba//Prace Orientalistyczne. - Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1958. - I. - Tekst, 304 +X1 s.: 1958. - II. - Faksimile - IX +238 s.

характера, написанный самим переписчиком. Считается, что произведение завершено в 1342 году в столице Золотой Орды - Сарае. Поэма посвящена **золотоордынскому** хану Тенибеку и его жене. Первые сведения о поэме **Кутба** в научном мире относятся к 1913 г., когда на страницах периодической печати появилось сообщение о ценной находке в Национальной библиотеке в Париже - рукописи **поэмы**¹. Одним из первых, обративших внимание к поэме, является **М.Кöprölüzade**². Он определил язык поэмы как смешанный **огузско-кыпчакский** литературный язык **XIV в. Золотой Орды**³. Вопрос о языке освещался и в работах А.Н.Самойловича, который данный памятник рассматривает в аспекте общности языка с «**Кысса-и Йусуф**» Али и «**Мухаббатнаме**» Хорезми⁴. Первым специальным филологическим исследованием, посвященным **Кутбу** и его поэме, является кандидатская диссертация литературоведа А. Тагирджанова «„**Хосров и Ширин**“ **Кутба**» (1946). Для науки большую ценность представляет его труд «**Тарихтан - әдәбиятка**», в котором существенное место уделено исследуемому памятнику. Основываясь на результаты исследования, ученый считает **Кутба** выходцем из **татаро-мишарской среды**⁵. Ценные сведения о поэме содержатся в трудах татарского литературоведа **Х.Миннегулова**. В 1976 году им опубликовано учебное пособие для студентов «**Котб ижаты**» («Творчество **Кутба**»)⁶. В книге «Татарская литература и Восточная классика», посвященной анализу взаимосвязей татарской и восточной литератур, наряду с другими произведениями уделено немалое внимание сравнительному

¹ Миннегулов Х.Ю. Котб ижаты: "Борынгы һәм Урта гасыр әдәбияты" курсыннан студентлар очен уку ярдәмлеге. - Казан. 1976. - 6 б. Его же: "Татарская литература и Восточная классика (вопросы взаимосвязей и поэтики)". - Казань: Изд-во КГУ, 1993. - 104 с.

² Köprülü M. Türk edebiyati tarihi. - İstanbul: Milli matbaga, 1926. - 358 s.

³ Köprülü M. Çağatay edebiyati // İslam Ansiklopedisi. - İstanbul: Maarif matbaası. 1945. 3 İ. - 281 s.

⁴ Самойлович А.Н. К истории литературного среднеазиатско-турецкого литературного языка // Мир-Али-Шир. - Л., 1928. 6с.

⁵ Тагирджанов Г.Т. Тарихтан — әдәбиятка. — Казан: Татар. кит.нәшр., 1979. — 107-109 бб.

⁶ Миннегулов Х.Ю. Котб ижаты: „Борынгы һәм Урта гасыр әдәбияты“ курсыннан студентлар очен уку ярдәмлеге. — Казан. 1976. - 76 +3 (факсимиле) б.

исследованию произведений Низами и **Кутба**¹. Поэме посвящаны и другие труды **ученого**². В изучении памятника велика заслуга татарского ученого Х.Усманова. Особенно ценно его двухтомное издание, в котором содержится весь текст парижской рукописи на арабской **графике**³. Ученым составлена книга „Источники **древнетюркской** и татарской литературы" (1981), где рассматриваемому памятнику также уделено достаточное **внимание**⁴. Творчество Кутба основательно освещено и в трудах татарского литературоведа Н.Ш.Хисамова⁵. В работе Р.Ф.Исламова «Алтын Урда һәм Мәмләүкләр Мисыры: язма мирас, мадани багланышлар» освещается история изучения «ХШ»⁶. **Мировоззренческой** проблематике средневековых памятников посвящена отдельная глава в книге **Р.М.Амирханова** «Очерки истории татарской общественной мысли», где наряду с памятниками «Нахдж ал-фарадис» М.Булгари, «Гулистан бит-тюрки» С.Сараи анализируется и исследуемый памятник «ХШ» **Кутба**⁷. В коллективном труде «Борынгы татар әдәбияты» имеется небольшая статья, посвященная анализу памятника⁸. В „Антологии татарской поэзии" дан сокращенный вариант **поэмы**⁹. Первый том шеститомника „История татарской литературы" содержит отдельную статью,

¹ Миннегулов Х.Ю. Татарская литература и Восточная классика (вопросы взаимосвязей и поэтики). - Казань: Изд-во КГУ, 1993. - 384 с.

² Миннегулов Х.Й. Кадерле мирас. Алтын Урда әдәбияты // Кызыл таң - 1992. - 18 июнь; "Ни белгайлар сине, сүзләтмәсәң тел" (Алтын Урда әдәби традицияләре). - Мирас. - 19%. - № 5. - 202-215 бб.; Мәхәббәт жырчысы (Котб хакында) // Ватаным Татарстан. - 1997. - 19 сентябрь; Сулмас гөлләренч берсе (Котбның "Хөсрәү ва Ширийн" әсәре язлуға 660 ел) // Казан утлары. - 2003. - 1 сан. - 160-168 бб.

³ Книга рассказов о Хосрове и Ширийн **قطب خسرو سيرين حكايتی قاران** (пособие для студентов-тюркологов)/ Н/р У.Усманов, в 2-х кн.. - Казань: офсетн. лаб-рия Казан. ун-та. 1970. - 1 кн.. - 220 с.; 1971 - 2 кн. - 240 с.

⁴ Борынгы терки һәм татар әдәбиятының чыганакалары: Уку-укыту әсбабы / Төзүчесе Х.Госман. — Казан: Казан ун-ты нәшрияты. 1981. - 44-142 бб.

⁵ Хисамов Н.Ш. XIII-XIV гасырларда Идел буе терки поэзиясе // Казан утлары. - 1987. - №4. - 174-178 бб.; Его же Творчество Кутба // Средневековая татарская литература VIII-XVIII вв. - Казань: Фан, 1999. - С. 74-82.

⁶ Исламов Р.Ф. Алтын Урда һәм мәмләүкләр Мисыры: язма мирас, мадани багланышлар. — Казан: Фикер, 1998. - 41-48 бб.

⁷ Очерки истории татарской общественной мысли / Н/р Р.М.Амирханов. - Казань: Татар.кн. изд-во, 2000. - С. 61-67.

⁸ Борынгы татар адабияты. Казан: Тат. китап. нәшр., 1963. - 184-188 бб.

⁹ Татар поэзиясе антологиясе. 2 кит-та. - Казан: Татар. китап. нәшр., 1992. - \ китап. - 72-26 бб.

посвященную **Кутбу** и его **памятнику**¹. В лингвистическом изучении самой ранней версии **«ХШ»** особо следует отметить труды известного польского ученого академика А.Зайончковского. В 1958 г. он публикует транскрипцию на латинской графике, факсимиле текста, а в 1961 г. - словарь тюркской части лексики **поэмы**². Велика заслуга в изучении памятника крупного **ученого-исследователя Э.Н.Наджипа**. На материале **«ХШ» Кутба** им составлен I том **«Историко-сравнительного словаря тюркских языков XIV века»**³. Это фундаментальное исследование посвящено основательному анализу лексического состава и отчасти морфологических особенностей памятника **ХШ**». Языковые особенности исследуемой поэмы отражены и в других статьях **ученого**⁴. Одним из последних трудов по языку поэмы является книга турецкого ученого **Hacıminoglu «Kutb'un Husrev ü Şirin'i ve dil hususiyetleri»**, монография имеет краткий грамматический очерк и анализ лексического состава **памятника**⁵. Ученый отмечает, что в тексте преобладают чагатайские **элементы**⁶. Труды В.Х.Хакова содержат ценные сведения о стилистических особенностях языка **поэмы**⁷. В статьях Х.Р.Курбатова освещаются вопросы

¹ Таһиржанов Г. **Кутб ижаты** // Татар әдәбияты тарихы. 6 томда. - Казан: Татар. китап. нәшр, 1984. - I т. - 170-19666.

² Zajackowski A. *Najstarsza wersja turecka Husrāv u Sirin Qutba* // *Prace Orientalistyczne*. - Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1958. - I. - Tekst, 304 + XI s.; 1958. - II. - Faksimile - IX + 238 s.; 1961. - III. - Słownik - 207 s.

³ Наджип Э. Н. **Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века**: В 4-х книгах. - М.: Наука. 1979. - Книга I. На материале **«Хосрау и Ширин» Кутба**. - 479 с.

⁴ Наджип Э. Татар әдәбиятының һәм әдәби теленң кайбер онытылган язма истәлекләре турында (Татар әдәби теленен һәм адабиятынын формалашу тарихына карата) // Совет әдәбияты. — 1957. - 12 сан. - 77-88 бб.; Его же: **«Хосрау и Ширин» Кутба** и его язык // Тюркологический сборник (к 60-летию А.Н.Кононова). - М.: Изд-во «Наука», 1966. - С. 80-91.; О диалектном составе языка Кутба // Вопросы диалектологии тюркских языков - Баку: Изд-во АН АзССР, 1966. - IV т. - С. 86-89.

⁵ Hacıminoglu. *Necmettin Kutb'un Husrev ü Şirin'i ve dil hususiyetleri*. - Ankara: Türk Dil Kurumu, 2000. - 477 s.

⁶ Hacıminoglu, Harezmi-Kıptak Sahasında Türk Edebiyatı // Türk Dünyası El Kitabı. - Ankara: Türk kültürünü Araştırma Enstitüsü, 1992. - 3т. - С.68-79.

⁷ Хаков В. Тарихи **дөреслек өчен** (Алтын **Урда чоры** адаби теле **пәм** анын **борынгы традицияләре**) // Мирас. - 1993 - 9 сан. - 68-76 бб. ; Татар милли әдәби теле тарихы. — Казан. 1993. - 54-56 бб.

стихосложения «ХШ»¹. В изучение языка «ХШ» внесли лепту и узбекские ученые, такие как Э.Фазылов², Ш.Шукуров³, которые памятник рассматривают на более широком фоне среднеазиатско-хорезмийских памятников. Следует отметить вклад в изучение языка поэмы казахских ученых, таких как Б.Сагындыков⁴, А. Керимов⁵, А.Ибатов⁶, МБ. Сабилов⁷, труды которых посвящены специальному изучению тех или иных языковых особенностей поэмы. Полный перевод поэмы "ХШ" Кутба на татарский литературный язык осуществлен Р.Г.Ахметзяновым, который опубликован в журнале "Мирас" (1992, №5 – 1993, №5).

В первой главе исследуются именные части речи, такие как имя существительное, прилагательное, числительное и местоимения.

1.1. Имя существительное характеризуется грамматическими категориями **числа, принадлежности, падежа и сказуемости**.

1.1.1. Значение единичности выражается семантическим, морфологическим, синтаксическим способами. Основным способом выражения множественности является аффикс *-lar*. В диссертации на обширном

¹ Курбатов Х.Р. Иске татар поэзиясендә тел. стиль, метрика һәм строфика. — Казан. — Татаркитапнашр, 1984. - 164 б.; Его же: Татарская лингвистическая стилистика и поэтика. — М.: Наука, 1988. - С. 163-164.

² Фазылов Э.И. Староузбекский язык. Хорезмские памятники XIVв. Ташкент: Изд-во «Фан», Т.1. - 1966. - 649. Т.2. - 1971 - 778 с.; О слове «Хосров и Ширин» Кутба // Тюркская лексикология и лексикография. - М.: Изд-во «Наука». - С. 304-310.

³ Шукуров Ш. Настоящее и будущее времена глагола в письменных памятниках староузбекского языка: Автореф. ... канд.филол.наук. - М, 1960. - 24 с.; Наклонения и времена глагола в письменных памятниках узбекского языка в сравнительном освещении: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. - Ташкент, 1974. - 140 с.

⁴ Сагындыков Б. Сравнительный анализ лексики тюркоязычных памятников XIV века (по материалам „Мухаббат-наме“ Хорезми. „Хосров и Ширин“ Кутба и „Гулистан бит-турки“ Сейфа Сарай): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Алма-Ата, 1977. - 31с.

⁵ Керимов А. Словообразовательные аффиксы в языке памятников тюркоязычной литературы XIV века (на материале «Хосров и Ширин» Кутба, «Гулистан» Сейфа Сарай, «Мухаббат-наме» Хорезми): Автореф. ... канд.филол.наук: Алма-Ата, 1979.

⁶ Ибатов А.М. Кутбның „Хусрау уа Шірін“ поэмасының сөздігі (на казахском языке). — Алматы. 1974. 278 б.; Сездін морфологиялық құрылымы (XIV ғасыр Алтын Орда мен Египетте жазылған ескерткіштердің тілі негізінде) (на казахском языке). — Алматы: «Ғылым» баспасы. 1983. - 146б..

⁷ Сабилов М.Б. Кутбтың „Хусрау уа Шірін“ поэмасының тилиндегі реликт тулралар (XIV ғасыр): Филол. фән. канд.дис. автореф Алматы, 1995 - 22 бб.

фактическом материале рассматриваются экспрессивно-стилистическая и семантическая функции форм множественного числа.

1.1.2. *Принадлежность* оформляется следующими аффиксами:

Ед.ч.

Мн.ч.

1 лицо -т, -**ym**, -**im**, -urn, -urn

1 лицо -**ymyz**, -**imiz**, -umuz, -**ümüz**

2 лицо -η, -**uη**, -**iη**, -**uη**, -**uη**

2 лицо -**yηyz**, -**iηiz**, -**uηuz**, -**üηüz**

3 лицо -y, -i, -sy, -si

3 лицо - (lar)y, -(lär)i

Примеры: اولوم بىرىم يۈرەگىم 'ulum bayrym jürägim' мои ноги, печень, сердце (65v/2); عمرۆمۆزنىڭ نەقى 'ömrümüzniñ naqdy' цена нашей жизни (28r/14); باغى جوعى 'ijary bary çuyy' его седло, шнурки, уздечка (23r/16); 'hängamämiz' наше сборище (11v/17). Идея принадлежности в тексте также выражается заимствованными **изафетными** конструкциями: 'ary zaхmy' ары زخمى (88v/9); 'furqaty zähri' فرقى زهرى (48r/21);

1.1.3. *Падежная система* языка «XIII» представлена шестью формами.

Именное склонение в базисной основе **кыпчакское**, **огузские** элементы засвидетельствованы спорадически. В посессивно-именной парадигме господствует **уйгуро-кыпчакский** тип склонения. В диссертации подробно рассмотрено функционирование каждого падежа. **Основной падеж** обладает разнообразными грамматическими значениями, которые совпадают с соответствующими значениями и функциями основного падежа в современных тюркских языках. **Притяжательный падеж** в языке поэмы в именной и **поссесивной** парадигмах представлен высокочастотным аффиксом -*нуд*, в зависимости от вокализма, имеющим фонетические варианты -*nig*, -*nuj*, -*nu*: 'qyzlamyn biri' فيزلارنىڭ بىرى (17v/17); 'könlümün quşy' كونلۆمۆنۈڭ قوشى (8r/4). Огузский вариант -*iη* зафиксирован лишь в местоименном склонении. В **направительном падеже** в именной парадигме налицо преобладание кыпчакских форм -*ya/-qa*, -*kä/-gä*, огузский вариант на -*a/-ä* встречается спорадически: 'elgä alyb' اىلگا الىب (6r/15); 'oşbu jergä' اوشبو يەرگا (2r/11); 'tazarru' تازىر قىلغىلىنىڭ 'qulyamän uyanä' تاشۇردۇڭ بۇ زانە (85r/5); 'tabşurdun bu žanä' تېشۇردۇڭ بۇ جانە (85r/5);

(3v/20). **Поссесивная** парадигма для 1 л.ед.ч. имеет форму **-m-qa**, лишь в одном случае - форму **-m-a** ('bojnuma' на мою шею 44v/14). 3 л.ед.ч. в поссесивной парадигме имеет три варианта: **-y-n-ya**, **-y-ya**, **-y-n-a**, с явным преобладанием **-y-n-ga**: **azun xalqunya** 'народу мира' (6v/10), **anuy tobraqu-qa** 'до его праха' (88v/4), **bitikči elginā aldy** 'писец взял в руки' (71v/4). В памятнике наблюдается несоблюдение закона ассимиляции согласных, когда к основам со звонким согласным присоединяется аффикс с глухим согласным: **اوتقا يقارلار** 'otqa jaqarlar' сожгут на огне (13r/20), но **كوما اوتغا** 'kūjmā otya' не гори в огне (3r/3). Направительный падеж оформляет косвенное дополнение, обстоятельства цели, причины, места и времени. Употребление форм винительного падежа характеризуется смешанностью. Частотными являются формы с аффиксом **-ny/-ni**: **عالمنى اړيتتى** 'alāmnī arytry' очистил мир (10r/7), **قفا اوندادىم جهاننى** 'išqqa ündādīm žihanny' призвал мир к любви (8r/19). Огузский вариант **-y/-i** представлен единичными примерами: **فدا قىلدىلار جانلارى** 'fida qyldylar žanlary' принесли в жертву души (5v/11); **كىتابى قىلغوقا قىل تىدى تىدىر** 'kitaby qylyuqa qul tedi tādbr' постарайся завершить эту книгу (7v/10). Единичной словоформой представлен аффикс винительного падежа на **-ig**, который является изолированным архаизмом: **جهان تىدى ايرسا خاننى اوشبو يىرىك** 'žihan tabdy ersa zanny ošbu jerig' когда мир нашел душу, эту землю (107r/7). Винительный падеж 3 л.ед.ч. в поссесивной парадигме одинаково часто оформляется как по **кыпчакскому** (**-yn/-in**), так и по **огузскому** типу (**-yny/-ini**). Синтаксическая функция винительного падежа заключается в оформлении прямого дополнения. Исходный падеж в памятнике оформляется аффиксами: **-dyn/-din** и **-dan/-dān**. Преимущественного употребления какого-либо из них не наблюдается: **چن پرىدان** э 'žinn u päridān' (из всех творений) джинов и пери (71v/9); **شاهدين** 'šahdin' (99v/1). Формант с глухим согласным **-tyn** засвидетельствован 4 раза, причем только в составе наречного образования **'taštyn'** снаружи: **بى بارتاشتىن** 'ne bar taštyn' а что снаружи? (106v/5); **ايشيتىب تاشتىن اوينى** 'ešitib tastyn ünin' услышав голос снаружи (113r/10). Особенность функционирования исходного падежа в поссесивной парадигме заключается в том, что вставочный **-n-** во

многих случаях сохраняется, **карлукский** вариант без *-n-* не имеет широкого применения: 'Nizami balydin' из меда Низами (7v/14). Исходный падеж указывает на исходный пункт во времени и в пространстве, на причинно-**следственные** отношения, выражает сравниваемый объект и материал, из которого сделан предмет. **Местно-временной падеж** в именной парадигме имеет аффикс *-da/-dä*, употребление которого не зависит от ауслаута согласного: *س بق المش هوادا قوشلار اندان* 'sabaq almyš havada qyšlar andan' птицы на небе учились у нее (13v/9); *اوروشدا بيريب ارسلان بنجه سيني* 'urušda iyrtıyb arslan pänžäsini' в сражении разодрав лапы льва (13v/1). Употребляемый в современном языке вариант *-ta/tä* наблюдается спорадически: *خدمتتا* 'xiðmättä' (117r/6); *دولتتا* 'dävlättä' (44r/14). В соответствии со своими основными значениями местно-временной падеж оформляет обстоятельство времени, места, косвенное дополнение и сказуемое. В «XIII» зафиксировано употребление формы древнего **инструментального падежа** на *-in*: *اور ايلکين* 'öz elgin başnyña tobraq saçty' собственной рукой сыпала землю на свою голову (48v/7); *کابین سیزین هم الماغای من* 'seni kăbinsizin ham almayajmân' не женюсь на тебе без свадьбы (100r/19). Засвидетельствовано функционирование **сравнительно-уподобительного падежа** на *-ca*: *ییتی دریانی* 'jetı dărjany bir kölčä jüzär ol' семь морей он переплывает, как озеро (13v/7); *قیلیب یوغدای ایکیم اریاجا ساریع* 'qylyb buydaj inim arpacā saryy' сделал мои щеки (цвета) пшеницы желтыми, как ячмень (31v/11). В диссертации в специальном параграфе рассмотрено **функционально-семантическое взаимозамещение** падежей. В языке «XIII» направительный падеж нередко замещает исходный и местно-временной падежи: *توبراققا اغناب* 'tobraqqa aynab' валяясь на земле (10v/19); *غغلیمقا سوردوم* 'aqlymqā sordym' спросил я себя (своего сознания) (8r/16). Засвидетельствовано отличное от современного языка употребление **послеложных** конструкций: *الوملوکلار لی* 'ölümlükler taba' в сторону осужденных к смерти (73r/21). Зафиксированы единичные случаи употребления исходного падежа в значении направительного: *اوکوش قربان قلب اول شاه اوغاندین* 'öküş qurban qylyb ol şah uyandyn' тот шах, принося много жертв богу (8v/5).

Интерес представляет **местно-временной** падеж, который в памятнике обозначает не только место и время, но и служит для передачи значения направления: **muradym** ایردی اول کیم بو قیوغدا کیلیب یول تبسامن سیب بو توغدا **erdi ol kim bu qabuyda kelib iol tabsamān teb bu tabuyda** 'моей мечтой было как бы к тому двору добраться и найти дорогу в услужение (7v/18). Характерным является употребление местного падежа в функции исходного: **aynalar dābirī ādī** ایناغلار دابیری آدی 'ynaylarda biri ajdy' один из друзей говорил (62v/12); **tüšrür** توشرور شد **Ida** ناجین **bašda tažyn** с головы снимет венец (12г/7). По мнению Э.В. Севортяна, взаимозамещение падежей „было связано с незавершенностью в древний период процесса семантической дифференциации падежей и стабилизации средств языка, в том числе глагольного **управления**, во многом отличного от современного”¹.

1.1.4. Категория сказуемости в «XIII» употребляется во всех трех лицах, но с более низкой частотностью по сравнению с памятниками XI-XIII вв. Передается аффиксами **من** - *man* (1 л.ед.ч.), **سن** - *sān* (2 л. ед. ч.); **-dur u -tur** (3 л.ед.ч.): **mān ol tobraqmān** 'من اول تو براق من' я являюсь тем прахом (3v/20), **soçuq** سوجوک **'süçlüg tillig jana 'aqly aziz sän** 'نیل لیک بنا عقلی ازیزسن' ты сладкоречив и очень умен (76г/4); **'bu miskin qanyny tökmä jazuqtur** بو مسکین قانینی توکما یازوق تور بوسوزومکا قموع آدم تنوق تور **bu sözümgä qamuy adam tanuqtur** 'не проливай кровь этого бедняка, это грех, все люди свидетели моих слов (89r/16). Полный вариант **turur** представлен единичными примерами: **Şirin** شیرین **Madajingä kälğän sözi turur** 'مداینکا کلکان سوزی ترور' о том, как Ширин приехал в Медаин (25r/8). Характерной является форма I л. мн.ч. **-biz**, совпадающая с соответствующим аффиксом современного татарского языка: **akr ay irsa ol biz** اگر آی ایرسا اول بیز **afitab-biz** افتاب بیز اگر کایخسرو **'ägär aj ersa ol biz Afitab-biz agar Kājxusrāv ersa, biz Afrasjabbiz** 'اگەر آج ایرسا بیز افراسیاب بیز' если она луна, то мы - Афитаб, если Кайхосров, мы - Афрасьяб (35r/6). Формы сказуемости 2 и 3 л.мн.ч. не зафиксированы.

¹ Севортян Э.В. Современное состояние и некоторые вопросы исторического изучения тюркских языков в СССР // Вопросы методов изучения истории тюркских языков. - Ашхабад. 1961. - 46 с.

1.2. В языке «ХШ» засвидетельствованы качественные и относительные **прилагательные**. Качественные прилагательные в диссертации рассматриваются по следующим семантическим разрядам: обозначающие характер и психологические качества людей, передающие физические свойства, обозначающие вкусовой и цветовой признаки. Особенность прилагательных в памятнике заключается в том, что многие основы одинаково часто употребляются с увулярным -у (-q) в **ауслайте**, так и без него: **تاتلی** 'tatly' (38r/1) - **تاتلیغ** 'tatlyğ' сладкий (39v/13); **تۈرلۈ** 'türlü' (27v/5) - **تۈرلۈگ** 'türlüğ' разные (101v/8); **مونکلینی آزاد قیلسا** 'munılnı azad qylsa' если освободит печального (57v/15) - **از قیجا مونلۇغ اوزۈمنى** 'az qyjna munluy özümni' поменьше мучай меня печального (66r/10). Семантика относительных прилагательных в изучаемом тексте связана в основном со значением времени: **اشنوقی صحبت لاریمیز** 'aşnuqy suxbätlärimiz' наши прежние беседы (58v/18); **ایرتاکی صحبت** 'ertägi suxbät' завтрашняя беседа (89r/14). Сравнительная степень прилагательных образуется двумя способами: морфологическим, т.е. с помощью аффикса **-raq/-räk**, и морфолого-синтаксическим, при котором объект сравнения в форме исходного падежа сочетается с прилагательным с аффиксом **-raq/-räk** или без него: **اذکوراک** 'adköräk' я самый лучший твой друг (65v/4); **صافیراق بولور بال** 'safıraq bolur bal' мед бедет слаше (70v/17); **بهادرلوقدا رت ترمدين قویراق** 'bahadurluqda Rustämdin qaviraq' в храбрости он смелее Рустама (19r/12); **اوغول بیردی انکا کوهردین** 'oğul berdi aña gävhärdin ary' дал ему сына чише жемчуга (8v/6). Отмечено образование формы **интенсивной степени** путем префиксации: **توب تولوغ** 'tob toluy' полный-преполный (83r/2); **توب توروع** 'tob turuq' чистый-пречистый (86v/16); **قبا قارا** 'qab qara' черный-пречерный (87r/17). Прилагательные в тексте используются автором для придания тексту эмоционально-экспрессивной окраски, что достигается применением синонимичных и антонимичных пар, а также употреблением прилагательных в прямом и переносном значениях.

1.3. **Имя числительное**. 1.3.1. Все **количественные числительные** - общетюркские, за исключением персидского **du** 'два'. Названия единиц: **بیر** 'bir' один, **ایکی** 'iki' два, **اۈچ** 'üç' три, **تۆرت** 'tört' четыре, **بیش** 'beş' пять, **التی**

'alty' шесть, يېتى 'jeti' семь, توقوز 'toquz' девять. Названия десятков: он 'on' десять, يېكرمى 'jigirmi' двадцать, اونوز 'otuz' тридцать, ايلېك 'el(l)ig' пятьдесят, التمېش 'altmyš' шестьдесят, يېتمېش 'jetmiš' семьдесят, سەكسان 'säksän' восемьдесят. Названия высших разрядов: يوز 'jüz' сто, مىڭ 'min' тысяча, تۆمان 'tümän' десять тысяч, يوز تۆمان 'jüz tümän' миллион. Система **нумеративов** представлена словами 'awuĉ' горсть, 'loqma' кусок, 'nävbät', 'qat/qatla' раз, раза, 'sa'at' час, 'aj' месяц, 'jyl' год, 'aršun' аршин. В диссертации отдельно рассмотрено функционирование числительных *bir, jeti, juz, miñ, tuman*, которые, кроме выражения количественного признака, употребляются и в качестве гиперболы. В исследуемом тексте зафиксировано прилагольное функционирование числительных: اون بېش يشارانچاق 'on beš jašar ancaq' ему всего 15 лет (19r/12).

1.3.2. Аффиксы **порядковых числительных** зафиксированы в различных фонетических вариантах: *-nc*, *-(i)nĉi*, *-(y)nĉy*, *-inĉ*, *-ünĉ*, преимущественного употребления какого-либо из них не наблюдается: اۈچۈنچى سەلکا 'üčünĉ bilgä' третий ученый (108r/2); اۈچۈنچى كۆرگۈزگەنى 'üčünĉi körgüzgäni' о том, как показал третий раз (портрет Хосрова) (16v/9); ...يېچى كۈن 'säksinĉi kün' восьмой день (101r/10); تۆرتىنچى ەلى 'törtinĉ' Ali' четвертый - Гали (5v/5). Засвидетельствован единственный случай употребления количественного числительного в качестве порядкового: تاريخ يېتى يۈز يىل ... سەكسان ... يىل اىنچىر آيى يېكرمى سە سەندا 'tarix jeti jüz saksan bešindä safar ajynyn jigirmi bešindä' по летоисчислению семьсот восемьдесят пятом двадцать пятого числа месяца сафар (117v/6).

1.3.3. **Собирательные числительные** образуются присоединением форманты *-agu* к количественным числительным: شاه وشكر ايكاکو ياشايېب 'šah va šākār ikägü janašyb' шах и Шакар вдвоем облокотившись (75v/4); اذاق توتى 'aḏaq tut(t)y jaryštylar ikägü' подняли бокалы и соревновались вдвоем (29v/10). Встречается употребление количественных числительных в значении собирательных: بىر ايکى بىر كۈنكل بولموشدا 'biz iki bir könül bolmyšda' мы вдвоем - одна душа (75v/4); شاه ابدى بىر ايکى تون اوبىناعالېنک 'šah ajdy biz iki tob ojnayalyn' шах сказал: поиграем вместе (вдвоем) в мяч (29v/10).

1.3.4. **Разделительные числительные** представлены двумя формами от числительного *bir*: 1) при помощи аффикса *-ar*: بىرار 'birär' по одному (78r/7), (39r/18); 2) присоединением аффикса *-in* к удвоенному числительному: بيرين 'birin birin' по одному (75v/21) (33r/17) (95r/11). Форма 'birin birin' в современном татарском языке рассматривается в разряде собирательных числительных с собирательно-разделительным значением. По аналогии исследований древне- и среднетюркских памятников, удвоенные числительные с аффиксом *-in* мы рассматриваем в составе разделительных числительных.

1.3.5. В памятнике употреблены **приблизительные числительные**: بير بويش اون كون ايجرا 'bir iki hafta' примерно неделю - две (29v/19); bu beš on kün içrâ 'в эти короткие дни жизни (досл. 5-10 дней)' (117r/17). В ряду других способов Кутб широко пользуется описательными способами выражения приближенности: يىلدين مينك ارتوقراق ما شېدیز 'ieldin min artuqraq ma Šabdiz' Шабдиз в тысячу раз быстрее ветра... (21v/9); تومان مينك • ميندين ارتوق 'tümän min mendin artyq gullaryñ bar' у тебя несколько тысяч рабов (34r/17).

1.3.6. В «XII» **дробных числительных** немного: ايلور بو تورتا بيرى اول 'erür butörtä biriol tiri neñ' это одна четвертая всего живого (1 i4v/1 0); تىلىم عورت كيم اوندىن بىلىماز 'tälim 'avrät kim ondyn bešni bilmâz' много женщин, которые не знают и половину (букв. пяти десятых) (54r/15).

1.4. **Местоимение.** В произведении представлены все употребляемые в современном языке разряды местоимений.

1.4.1. В употреблении **личных местоимений** наблюдается смешанный характер:

Осн.п. man, **san**, ol; biz, siz, **olar**, alar, **anlar**

Притяж.п. **mänim**, **mäniñ** (2 паза), **säniñ**, **anyñ**; **biziñ** (2 паза), **bizim** (1 паз), **bizniñ**, **siziñ**, **sizniñ**, **olarnyñ**, **anlarnyñ**

Направит.п. **maña**, **saña**, **aña**, **añar**; **bizgä**, **bizä** (2 паза), **bizlärgä** (2 паза), **sizgä**, **alarqa**, **anlarqa**

Винит.п. **meni**, **seni**, **any**; **bizni**, **bizläрни**, **sizni**, **olarny**, **alarny**, **anlarny**

Исх.п. mendin, sendin, andyn, andan (3 паза); bizdin, olardyn, alardyn, anlardyn

Местн.-вр.п. mendā, sendā, anda; sizdā, olarda, anlarda.

1.4.2. Из указательных местоимений наряду с современными *ol, bu*, зафиксированы архаичные местоимения *oşbu, oşol*. Форма *sol* представлена единственным примером: قولونك من تيو اندى شول ايديمكا 'qulun man tejü ajdy sol iðimgä' он сказал тому господину: я твой раб (31v/16). Изменяемая основа указательного местоимения *بو bu* в результате перехода начального *b* имеет форму *مو 'mu-':munu, muḡa, muḡar, muni, mundin, munda*. Как рефлекс огузо-кыпчакского состояния следует рассматривать лексикализовавшиеся падежные формы указательных местоимений¹ *andan, andyn, anyn, anda, anteg, anday, mundin, munda, munteḡ, mundaḡ, anca, munca*, которые активно представлены в исследуемом тексте.

1.4.3. В «XIII» Кутба зафиксировано возвратное местоимение *oz* 'свой', которое способно употребляться самостоятельно, так и принимать аффикс падежа без надлежащего аффикса принадлежности: اوزنى 'öznî' (86r/13, 87r/19, 38v/3); дал» 'özdin' (78r/1). Спорадически употреблено местоимение *kändü*: كراک بولسام انکا من کندو کلسون 'käräk bolsam aḡa man kändü kelsün' если я ему нужна, пусть сам придет (57v/2); حیچاک کورمیشجا بلبل کندو سیرار 'çiçäk körmışçä bülbül kändü sajrar' соловей, увидев цветок, (сам) запоем (63r/4). Выявлено употребление заимствованного указательного местоимения *hod*; его частотность невелика: قلم نقشینکا من حود بیرکامن رنگ 'qalām naqsynḡa man hod bergämān rāḡ' я сам нанесу краску на портрет (14r/10).

1.4.4. Наиболее полно представлена система вопросительных местоимений, большую часть которых составляют архаизмы (*ndtdk* 'как, каким образом', *nālūk* 'почему', *qaju* 'где, какой', *qany* 'где', *qanda* 'где', *qandin* 'откуда'). Отмечены также обновленные формы *näçük* 'как', *neca* 'сколько', *qajda* 'где', *qacan* 'когда'.

1.4.5. На совокупность более чем двух предметов или лиц указывают **определятельные местоимения** *qatuy*, *barca*, *tigma*, *bar*, *här*, с преобладанием *qatuy*. Местоимения *tamam*, *barca*, *tigma* могут совмещаться в одном микроконтексте: *tamam eiig miñ er barça saýytlyy bahadurluqda tigma biri miñ atlyy* ‘все 50 тысяч воинов в кольчугах, по храбрости каждый из них не уступит тысяче всадников’ (91/16).

1.4.6. В качестве **неопределенных** в тексте выступают местоимения *bir ničä*, *bir para*, *qaju biri*, *qas*. Один раз засвидетельствовано заимствованное неопределенное местоимение *ba ‘zi* ‘некоторые’ (37/12).

1.4.7. Функцию **отрицательного местоимения** в основном выполняет заимствованное *hič*. Спорадически употребляется также *kimsa* ‘никто’: *كىمسا* *حرمت قيلماز هيچ* ‘*kimsä xürmät qylmaz hič*’ никто его не уважает (117r/9); *ولى يوق* *يّمىش يندىن كىمسا يّمىش* ‘*väli joq jemišindin kimsa jemiš*’ но нет никого, кто съел бы эти плоды (103v/18). Имеет место употребление арабского местоимения *däjjar* ‘никто’ *حجياكندن يوق امكان السا ديار* ‘*čičäğindin joq imqan alsa däjar*’ никто не имеет возможности сорвать цветок с твоего сада (12v/18).

Вторая глава посвящена исследованию наречий и глагольной системы памятника. В этой главе подробно анализируются спрягаемые и неспрягаемые формы глагола в языке исследуемого **памятника**, дается их статистическая характеристика.

2.1. Наречие. В семантическом отношении наречия исследуемого памятника не имеют отклонений от его современного состояния. Многие наречия образуются путем адвербиализации падежных форм. В этом отношении наиболее активным является **дательно-направительный** падеж: *icra* ‘внутри’, *taşra* ‘снаружи’, *qajra* ‘обратно’, *tigrä* ‘вокруг’, *soñra* ‘потом’, *artqaru* ‘назад’, *joqaru* ‘вверх’, *ilgärü* ‘вперед, впереди’, *joqqa* ‘вверх’. Довольно полно представлена группа наречий, образованных удвоением или соположением слов (*artuq äksük* ‘много ли, мало ли’, *arqun arqun*, *aqrün aqrün* ‘медленно’, *azyn azyn* ‘тихонько’, *tun kün* ‘и днем, и ночью’, *erid kičä* ‘утром и вечером’, *para para* ‘на куски’, *saf saf* ‘в ряд’). Отметим, в современном татарском языке

наречие является более развитой частью речи, чем это зафиксировано в рассматриваемом памятнике.

2.2. **Глаголы** составляют почти половину архаических лексических материалов **памятника**¹. В диссертации на фактическом материале рассмотрены тематические группы архаических глаголов. Данная часть речи характеризуется самым большим количеством грамматических категорий.

2.2.1. **Функционирование лично-числовых показателей** проиллюстрировано в таблице. Особенность этой категории в тексте заключается в том, что I группа аффиксов, формально совпадающих с предикативными аффиксами, имеет варианты *-byz/-myz*; преобладает форма с аффиксом *-byz*, который оформляет **настояще-будущее** на *-r*, настоящее на *-a* и будущее на *-ya*. Формы будущего на *-yaʃ* и условного на *-sa* могут принимать оба показателя (*-byz/-myz*). Аффиксы II группы оформляют прошедшее на *-dy*, настоящее на *-a*, будущее на *-ya* и *-yu*.

2.2.2. **Вопросительная форма** представлена огубленным вариантом *-mu/-mi*, причем этот аффикс предшествует лично-числовым показателям: *anlarmusän* 'поймешь ли?' (2r/13). Лишь один раз формант *-mi* стоит после показателя лица: *unutyajmān mi* 'забуду ли?' (58г/10). Вариант *-mu*, аналогичный татарской частице *-мы*, представлен одним примером: *kiši teg qylnurmy* 'может ли поступить как человек?' (108v/16).

2.2.3. В употреблении **залоговых форм** в памятнике нет сколько-нибудь заметных отклонений от его современного состояния. Действительный залог является **исходной** **основной** для производных залогов. Страдательный залог представлен формой на *-/*, орфоэпически закреплённой как огубленными, так и неогубленными аффиксами. Выражает собственно-страдательное, обобщительное, активно-переходное и активно-непереходное значения. Особенность возвратного залога (показатель *-и*) заключается в том, что в некоторых случаях при данной форме выступает дополнение в винительном

¹ Наджип Э.Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века: В 4-х книгах. - М.: Наука. 1979. Книга I. На материале «Хосрау и Ширин» Кутба. - 120 с.

падеже: حياک کۆک رانگين الينور ايردى ناکاه 'čičäk kök rāngin alynur erdi nagah' роза внезапно принимала синий цвет (38v/8); خسرو ادب سوزلوك قيلنميش 'Xusrāv ādābsüzlük qylynmyš' Хосрав поступил непристойно (10r/10). Возвратный залог выступает в **собственно-возвратном**, медиальном, страдательном значениях. Понудительный залог оформляется продуктивными аффиксами *-dur*, *-t*, *-r*, малопродуктивными *-güz*, *-gürt*, *-gür*. Форма на *-š* образует взаимный залог, обозначает взаимность и совместность в осуществлении действия.

2.2.4. Изъявительное наклонение в поэме реализуется в спрягаемых формах времени. Система времен в «XIII» состоит из прошедшего, настоящего и будущего времен. Прошедшее время представлено следующими формами: общетюркским *-dy/-ty* (отмечен 4306 раз), **огузским** *-mys* (244 раза), **кыпчакским** *-yan* (37 раз). Отличительной особенностью языка памятника является сохранение традиционного написания в огубленном варианте аффикса *-dy*: کوزيندين اط اورا سيماب آيتو 'közindin at uza simab aqytu из его глаз на лошады капали слезы (91r/9); الملكالقي شاه تابوق 'elgā lajyq šah tabtuq' нашли шаха, достойного страны (33g/7). В «XIII» форма прошедшего категорического иногда употребляется в значении **настоящего** и будущего времени, что связано с определенными стилистическими надобностями и не вытекает из природы самой формы: تمام ايتكيل يوق ايرسا جانيم الدينک 'tamam etkil joq ersa zanyim aldyn' доведи до конца, иначе я погибну (13v/21); I شاهننگ روزکاری 3AO قلديس I 'mühāndis ajdy šahnyn ruzigary mādad qyldysa dāvlāt qyldy jari' геометр сказал: если шаху будет сопутствовать удача, то счастье будет ему поддержкой (28v/18). В 244 случаях форма на *-mys* выступает в перфективном значении: هيچ اكسوكسوز راتميش انى حلاق 'hič äksüksüz jaratmyš any xallaq' бог сотворил его безо всякого изъяна (7r/2). Прошедшее *-yan* употребляется исключительно в 3-ем лице. Немногочисленное употребление этой формы в языке «XIII» свидетельствует о том, что она начала проникать в литературный язык именно в этот период: بو محمودلوق تونين کدکان کدورکان 'bu maḫmudluq tonyn kädkän kädürgän' оделся и одел других одеяниями, достойными хвалы (4v/19);

یراتغان 'bu munca 'ilm va
 ځيکماټلار jaratyan qaranyu tünni kün birlä jarutyan он сотворил все науки и
 чудеса, сотворил темную ночь с днем (2r/2). Особо следует отметить
 употребление **прошедшего** перфективного на **-b** (88 раз). Имеет форму 1 л.ед.ч.,
 которая представлена тремя примерами: اولتوروب [↑]olurub-män 'я был в горе и
 в унынии (84r/17); انکيب من، يالباريب من، 'ialbaryb man, anvb man' я молился и
 осознал (109r/20). Язык произведения богат на **аналитические формы**
 прошедшего времени; представлены следующие формы: **-dy erdi** (9раз), **-mys**
erdi (48), **-yan erdi** (2), **-b erdi** (1), **-r erdi/mazerdi** (1 16;21), **-jurerdi** (3), **-yaj erdi/-**
-ya erdi (21;7), **-a turur erdi** (1). Из указанных форм наиболее частотна форма **-r**
erdi, которая характеризуется многозначностью и специфическими
 особенностями употребления. Настоящее время. Наиболее частотной из этой
 сферы является форма с аффиксом **-r**, который в зависимости от контекста
 может передавать различные значения. Основным значением данной формы в
 тексте является выражение действия, одновременного с моментом речи.
 Аффикс **-r** передает также будущее время, что является нормой для
 современного татарского литературного языка. Интересен тот факт,
 отрицательный аспект от формы на **-r**, кроме традиционных аффиксов **-maz/-**
-mas, образуется также низкочастотной **огузской** формой **-man: قىلفوسىلمان** 'ne
 qylıy bilmän' не знаю, что делать (48v/3); كورمان 'körmän' не вижу (106r/15). Со
 значением настоящего времени в памятнике выступает также **огузский** аффикс
-jur (58 раз). Следует особо отметить употребление формы настоящего времени
 на **-a** (10 случаев) которая, возможно, начала проникать в литературный язык
 именно в период написания поэмы. Примеры: تىيغىندىن اوت سىا اول نىس ملغون
 'tanyyyndyn ot saca ol naxs mal'un' от знакомства (с ним) рассыпает огонь,
 проклятье злосчастью (111r/11); كوزدىن اقا ياش 'közdin aqa jaš' из глаз текут слезы
 (56r/9). При передаче будущего времени наиболее активным являются форма на
-yaj. Характерной особенностью этой формы является то, что при
 присоединении личного аффикса конечный полугласный **-j** выпадает:
 ۇسىنىۋاتمان 'выпущу' (40v/15); ڧىلماۋاتمان bir laxza aram 'не остановлюсь'

(14r/17). С оттенком долженствования выступает будущее категорическое на -*-yü* (12 раз): *ahug ölgün* 'потом умрешь' (114v/4); *ničä olturğu* 'до каких пор сидеть' (54v/12). В поэме 2 раза зафиксирована **огузская** форма будущего времени с аффиксом *-ysar*: *kirn jyulajysar* 'кто будет плакать' (113v/15); *bu kün qalmajysar* 'и сегодня не остановится' (98r/18).

Повелительно-желательное наклонение имеет следующие форманты: для 1 л. наиболее продуктивен *-ajyn/äjin*; периферийной является употребляемая в диалектах сибирских татар¹ форма с аффиксом *-ajym*. Формы на *-ajyn/-ajym/-yam* **непродуктивны**, представлены единичными примерами. В памятнике **встречается** **стяженный** вариант аффикса *-ğajj- -aj*, который употребляется для выражения желания для 1 л.ед.ч.: *senka xidmät qylaj teb* 'с желанием служить тебе (4r/8). 1 л.мн.ч. оформляется преимущественно аффиксами *-alyñ/-äliñ*. Спорадически употребляются варианты *-ğalym/-ğalyñ/-ğam*. Примечательно, для 2 л.ед.ч. параллельно с категорическим императивом на *-ğyl/-gel* употребляется и безаффиксальная форма, причем они могут совмещаться в одном микроконтексте: *ğarašturyyl töşäk jahşy orun qyl* 'постели постель, приготовь хорошее ложе (81v/2). В количественном отношении преобладание какой-либо одной из них не наблюдается. В тексте довольно частотна форма с аффиксом *-yñ/-iñ*, которая может употребляться как в отношении одного **лица**, так и множества лиц. 2 л. мн.ч. оформляется посредством аффиксов *-yñyz/-iñiz, -uñuz/-üñüz*. Для 3 л., помимо *-sun/-sün*, характерно также употребление усеченной формы *-su/-sü*: *anyñ jaşy uzun bolsu* 'долгая ему жизнь! (9v/5). Мн.ч. — *-sunlar/-sünlär*: *Şäbdizni kältürsünlär ärtä* 'Шабдиза пусть приведут утром (42/4).

Форма **условного** наклонения представлена общетюркским аффиксом *-sa*, парадигма спряжения которого характеризуется следующими особенностями. Так, 1 и 2 л. ед.ч. кроме традиционных аффиксов *-sa-m/-sa-ñ*, оформляются

¹Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар / Опыт сравнительного исследования. - Казань: Изд-во КГУ. 1977. - 212С.

также вариантами *-sa-män/-sa-ñän*, с преобладанием первых: قناعت بولسام 'qana'at bolsam' если удовлетворюсь (117r/16) - تبسامن 'tabsamän' если найду (7v/18), كولسانك 'külsänj' если засмеешься (43v/13) - تبسانان 'tabsanan' если найдешь (31v/7). I л.мн.ч. имеет три варианта: *-sa-q* (7 раз), *-sa-myz* (3 раза), *-sa-byz* (2 раза). Условное наклонение в памятнике представлено и аналитическими формами: *-dyersd*, *-mys ersä*, *-r/-mazersä*, *-r/-mazbolsa*. В «XIII» довольно часто употребляется сокращенный вариант аффикса *-dy* — *-dymsa*, *-dyñsa*, *-dysa*. Конструкции с *-sa* могут выражать реальное и ирреальное условие, временные, причинно-следственные, уступительные отношения и значение сравнения действий. В диссертации рассматривается функционирование форм условного наклонения в сочетании с модальным словом 'käräk', которые выражают значение долженствования.

2.2.5. В диссертации особое внимание уделяется **неличным формам глагола**. Неоднороден состав причастий, который представлен разнообразными формами. Причастия прошедшего времени представлены формами на *-yan*, *-mys*, *-yucy*, *-un*. Наиболее активно выступает форма на *-yan* (172 раза); с одинаковой активностью употребляются в собственно-причастном (а), субстантивированном (б) и глагольно-именном (в) значениях: а) تورغان 'turyan mäkanin' о ее местопребывании (22r/2); б) آشوقغان ترک ارار 'ašyqyan tärk arar' кто спешит, тот быстро устает (48v/15); в) ایریکلیک قیلغانیمقا بقما زنهار 'eriklik qylğanymqa baqma zinhar' не обращай внимания на то, что допускаю вольность (90r/18). Причастие на *-mys* характеризуется теми же значениями, что и *-yan*, зафиксировано 37 раз. Зафиксирована древнеуйгурская форма на *-yucy* (53 раза): يوقاری اغغوجی joqaru ayğucy' поднимающийся вверх (110v/10); تورغوجیلار usal turğucylar' беспечно живущие (52v/15). С причастным значением *-um* выступает 7 раз. 27 раз употреблено причастие на *-yly*. Особо следует отметить употребление **огузской** формы *-un* (20 раз), которая употребляется только с одной основой *tol* - *tolun* (aj) 'полная луна' (83v/5) (15v/14). Форма с аффиксом *-dük* представлена двумя примерами: نى بىتورگان ne bitürgän xabärlyy berdükindin 'خبرلىغ بىردوگىندىن نى سغان جەد ايتىپ مال تىردوگىندى'

не *juŷan žahd* etib *mal tirdükindin* ' закончивший (дело) не знает, кто дал (эти богатства) собиравший не задумывался: откуда? (2v/6). Причастие настоящего времени на *-r/-maz* употребляется в соответствии с нормами современного татарского языка. В тексте в трех случаях причастие оформлено аффиксом *-asy*: 'kim ol *divanä erga* ne qylasy ne *cara birlä* andyn *qurtulasy* ' что (мне) делать с этим сумасшедшим как от него избавиться (63r/13); 'bu *kün xos bolıy taŷa* ne *baqasy* ' как не восхищаться этим прекрасным рассветом (98r/20).

Деепричастие. В «XIII» самое активно употребляемое деепричастие - это форма с аффиксом *-b* (1789 раз), которая отличается от других форм множеством передаваемых ею значений. Один раз засвидетельствована древняя форма на *-bän*, который, по предположению многих тюркологов, складывается из двух синонимичных компонентов *-b* и *-an*: هم بيركا کلسان بولوب 'hä'm birgä kälübän bolub joldaşym' и прибыл со мной (букв. вместе), сопутствуя мне (116v/15). Продуктивными являются также деепричастия на *-u/-ı* (171 раз), *-ju/-jü* (157 раз). Форма на *-a* зарегистрирована 68 раз. В «XIII» употреблены формы с аффиксом *-ju* (2 раза) и *-ji* (2 раза), являющиеся генетическими вариантами деепричастия на *-a*. С временным значением выступают формы *-yınca* (24 раза), *-yanda* (7 раз), *-yac* (10 раз). Деепричастия, употребляясь в сочетании со вспомогательными глаголами, могут передавать характер протекания действия.

Имя действия в «XIII» представлено в основном формой на *-maq* (201 раз), которая может выступать как имя действия (а) и как инфинитив (б): а) منكا 'maña berdi jazmaq oqymaq bilig' мне (творец) дал умение писать, читать (117r/3); б) گۈل اوراماش < سچماق قىلدى عادت 'gül uzra musk sacmaq qyldy adät' сделал для себя обыкновением обрызгивать розу мускусом (8v/18). 14 раз употреблена форма имени действия на *-maqlyq*; способна выступать как самостоятельно, так и в падежных формах и в форме принадлежности. Весьма активными являются сочетания имен действий с

последлогами. В поэме имя действия оформляется также и уйгурским аффиксом на -ум (12 раз): 'čäng uryuqa qol' чтобы ударить по струнам (95г/6). Форма на -s, „которая для **огузских** языков была формой потенциального периферийного глагольного имени“¹, в исследуемом памятнике зафиксирована 5 раз (jürüşün 'твое хождение' 18г/7, turuşum , olturuşum 'мое пребывание' 82v/5). Имя действия на -и, соответствующее современному татарскому, представлен одним примером: ناک کیم ناعقا ایسا بیر کیشی رازانکا تاغ اول سوزین اوق قیتارو باز 'nätäk kim tayqa ajsa bir kisi raz ana tay ol sozin oq qajtaru baz' подобно тому, как человек рассказывает горам свою тайну, и горы возвращают ему слова (как эхо) (99v/18).

Категория статуса включает в себя формы отрицания, возможности и невозможности. Форма отрицания, помимо аффикса **-ma/-mä**, образуется с помощью служебного слова **ne**, сказуемое в таких случаях употребляется в положительной форме: 'ne suw anlar özi söndürkänindin' ни вода не поймёт, что потушено самой же (2v/7). По мнению А.М. Щербака, такой способ образования отрицания объясняется длительными и интенсивными контактами с **не-тюркскими языками**². Формы возможности / невозможности совершения действия образуются сочетанием знаменательного глагола в форме деепричастия с глаголом **bil-**: 'kişi kim oz sozin kizlāiü bilgāi jamanny ädgüdin közlāiü bilgāi' человек, который может сдержать свое слово, может отличить зло от добра (87г/2); 'sabr qyla bilmādi bir dām' не смог утерпеть миг (18г/4). Употребление в качестве вспомогательного глагола **bil** следует рассматривать как **огузский** элемент.

Категория способа действия в языке «XIII» выражается модифицирующими глаголами **bar-, ber-, başla, jaz-, jet-, käl-, kör-, sal-, taşla-, tur- qal-, qoj-** и отражает многообразные оттенки в характере протекания действия.

¹ Груиния Э.А. Историческая грамматика турецкого языка. - М.: Изд-во МГУ, 1991. - 141с.

² Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). - Л.: Наука. 1981. - 97 с.

В третьей главе исследуются служебные части речи памятника, такие как послелогои и **послеложные слова**, частицы, союзы. В специальном параграфе рассматриваются особенности употребления междометий.

3.3.1.Послелогои и послеложные слова выступают как в соответствии с нормами татарского литературного языка, так и в отличие от него. Послелогои *asa, başqa, körä, özgä, soñ, taba, tictin*, послеложные слова *ast-, art-, ara-, ič-, üst*, засвидетельствованные в «ХШ» активно употребляются и в настоящее время. Продуктивен в поэме послелог *bilä/birlä*, нормой для современного татарского литературного языка является вариант *белэи*. Послелогои *бирлә, кебек, тикле* в исследуемом тексте представлены в архаических вариантах *bärü/berü, kebi, tigi/tigrä/tigrü*. В памятнике употреблен послелог *qata*, соответствующий современному татарскому 'bye', который в настоящее время функционирует в **мишарском** диалекте татарского языка. В памятнике зафиксированы послелогои *mäniz/mänizlig, öñ, ötrü, üzä/üzrä, ičrä, janlyy, jari/jaru, sari/sary/sınaru, tig, keđin/kiđin*, которые в той или иной степени представлены и в других средневековых памятниках.

3.3.2.Частицы. Этот разряд служебных слов в памятнике малочислен. Самыми продуктивными являются усилительные частицы *ma/mä, oq*, которые употреблялись и в **древнетюркских** памятниках. В значении 'также' выступают частицы *dayy/taqy, ham*, соответствуя при этом современной татарской частице *da*. Вопросительная частица имеет огубленный вариант *-ми*, вариант *-му* представлен одним примером. Один раз зафиксирована частица *da* при условной форме: 'aläm bolsañ da (82r/20). Отрицание при имени выражается с помощью частицы *dägül*, представлен только звонкий вариант; не имеет широкого применения. Одним примером представлена экспрессивно-**выделительная** частица *la: elgini la kötärgil'* подними же руку (24v/8).

3.3.3.Союзы и союзные слова. Выявлены следующие сочинительные союзы: *u/vä, ham, taqy:väli/välikänja, jahud, ne ... ne ..., gäh ...gäh..., gähi ... gdhi ...*. Подчинительная связь осуществляется союзами *sun, gär/ägärja'ni, joqsa*. Очень распространенным и многофункциональным является местоименный

союз *kim*, который связывает главное предложение с придаточными определительными, изъяснительными, выражает также различные обстоятельственные отношения. Местоимения *natak*, *ničä*, *qaju*, *qasan*, сочетаясь с местоименным союзом *kim*, образуют союзные предложения для выражения **причинно-следственных**, сравнительных, обстоятельственных отношений.

3.4. Междометия. При обращении употребляются междометия *äj*, *eja*. Междометия *ah*, *vah*, *vaj*, *haj* выступают в основном в субстантивированном значении 'горе, печаль, страдание'.

Заключение содержит краткие выводы исследования.

1. Тюркоязычный письменный памятник XIV в. «Хосров и Ширин» Кутба оказалась в числе памятников, представляющих историческое звено между тюркским письменным языком средневекового Поволжья и языком татарской народности, время формирования которого непосредственно связано со временем образования Казанского ханства.

2. Системно-функциональный анализ грамматических особенностей поэмы дает возможность утверждать, что язык памятника довольно архаичный. Архаичность языка поэмы объясняется сохранением традиций литературного языка, восходящей к письменно-литературному языку периода Караханидов (формант винительного падежа на *-ig*; формы числительных на *-nc*, *-ägü*, местоимения *oşbu*, *oşol*, *kändü*, *natak*, *nälük*, *qaju*, *qany*, *qanda*, *qandin*, *qamuy*, *tigmä*; наречия *üküŝ*, *jawlaq*, *käð*, *tälim*, *anba*, *munca*; категорический императив на *-yyl/-gel*; послелог *māñiz/māñizlig, öñ*, *ötrü*, *üzä/üzrä*, *tig*, *kedin/kiđin*).

3. В то же время в морфологии памятника отчетливо проявляются **кыпчакские** и **огузские** языковые элементы, с преобладанием первых. **Кыпчакские** языковые элементы проявляют себя в категории склонения (*-нуң*, *-qa*, *-ну*, *-dan*, *-da*, *-tyn*, *-ta/-tä*; *-yn* *-in*, *-m-a*, *-y-n-a*), в формах прилагательных без увулярного *-у* (*-q*) в ауслауте, в аффиксах глаголов на *-yan* и *-yynca*; в формах основного падежа личных местоимений: *man*, *san*, *ol*; *biz*, *siz*, *alar*. Огузские элементы включают в себя следующие формы: непродуктивные падежные

аффиксы *-a -a*; *-y -i*; низкочастотные формы местоимений *māniŋ, biziŋ, bizä*; частотная форма *bizim*; формы времен индикатива на *-mys, -jur, -yaŋ, -ysar*; отрицательная форма настоящего-будущего времени на *-man*; причастная форма на *-un*; формы имен действий на *-maq, -maqlyq, -s*.

4 Грамматический строй языка «XIII» характеризуется наличием древнеуйгурских элементов. К элементам уйгурской литературной традиции относятся следующие формы: форматив исходного падежа на *-dyn*, винительного на *-yny -ini* (3 л. ед. ч.); формы личных местоимений *bizlär, anlar*; глагольные формы на *-yu, -yly, -u/-ü; -ju*.

5. Исследование морфологии «XIII» выявило большое количество грамматических форм, сохранившихся в диалектах татарского языка. Это такие формы, как исходный падеж имен существительных на *-dyn*; имя действия на *-maq*; временные формы на *-myš/-miš, -b, -ysar*; послелоги *jary/jaru, sari/sary, sonra, tig, tabaru, qata, özgä*.

6. Помимо вышеназванных грамматических форм, в языке поэмы наблюдаются формы, характерные для современного татарского литературного языка (форма настоящего времени на *-a*, будущего на *-r*; нулевая форма повелительного наклонения; способы образования степеней сравнения имен прилагательных; способы образования имен числительных; форма причастия и прошедшего времени на *-yan* и др.).

Таким образом, анализ грамматических особенностей «XIII» Кутба наглядно обнаруживает смешанный характер языка рассматриваемого памятника: **кыпчакские** и **огузские** элементы употребляются параллельно, в то же время используются и **древнеуйгурские** формы, которые отражают традиции предшествующих письменно-литературных языков. Результаты тщательного исследования морфологического строя «XIII» дают право отнести язык этого памятника к следующему - **золотоордынскому** этапу в развитии тюркских литературных языков; а татарский литературный язык более позднего периода по своим традициям непосредственно восходит к литературному языку периода Золотой Орды и **Мамлюкского** Египта.

По теме диссертации опубликованы следующие статьи:

1. Активность употребления местоименных слов в русском и татарском языках (на материале художественных произведений) // Языковая ситуация в РТ: состояние и перспективы. Материалы научно-практической конференции 17 ноября 1998 года. - Часть 2. - Казань: Мастер Лайн, 1999. - С. 127-129.
2. Языковая ситуация в период создания поэмы Кутба «Хосров и Ширин» (XIV в.) // Татар филологиясе мәсьалаләре (макаләләр **жыентыгы**). — Алабуга: АДПИ **нәшрияты**, 2001. - 78-80 бб..
3. Функционирование имени существительного в поэме Кутба «Хосров и Ширин» (XIV в.) // Сборник тезисов итоговой конференции им. Н.И.Лобачевского. - Часть 1. - Казань: КГУ, 2002. -- С. 90-92.
4. Функционально-семантическое взаимозамещение падежей в языке поэмы «Хосров и Ширин» Кутба // Фэнни язмалар. 2001. — Казан: РИЦ «Школа», 2002. - С. 32-35.
5. Деепричастные формы в поэме Кутба «Хосров и Ширин» (XIV в.) // Казан дәүләт университеты татар филологиясе **һәм тарихы** факультеты укытучыларының **фәнни язмалары** (2002). — Казан, 2002. - 24-29 бб.

